

П. Н. Денисов,
М. А. Скопина

Научно-методические основы серии учебных словарей сочетаемости слов русского языка

С момента своего возникновения лексикография носила ярко выраженный учебный характер. Она представляет собой единство истории, или лексикографической традиции, практики, или искусства составлять словари, теории, или анализа словарей с лингвистической, семиотической, социологической и психологической точек зрения [1—3].

Если практическая лексикография уходит своими корнями к истокам письменности и цивилизации, развившись из лексического комментария к тексту как из наиболее древней и классической формы филологического труда, прототипа всех иных его форм, то теория лексикографии (как общей¹, так и учебной) была в своих главнейших чертах сформулирована в 1940 г. академиком Л. В. Щербой, что обеспечило отечественному языковедению неоспоримый приоритет в этой области [4]².

Л. В. Щерба выдвигает одним из первых вопросов теории лексикографии вопрос о различных типах словарей. В настоящее время можно считать установленным, что большой академический, или нормативно-системный толковый словарь какого-либо национального литературного языка является основой типо-

логии словарей, хотя исторически он возник довольно поздно (за исключением китайской лингвистической традиции). В частности, такой тип словаря прекрасно разработан в русской академической лексикографии.

Отводя такому словарю центральное место в типологии словарей, мы полагаем, что в целях большей теоретической четкости ему надлежит придать обобщенный, идеализированный характер универсального словаря, который должен содержать исчерпывающую информацию о всей системе словарного состава языка. Структура словарной статьи такого идеального конструкта теоретической лексикографии должна быть также универсальной и выполнять при этом три обязательные функции словаря: 1) учебную, 2) справочную, 3) систематизирующую [3]. В таком идеализированном универсальном словаре ярко проявляются общесемиотические свойства словаря, а именно: два соотносительных элемента его структуры, сводимые по аналогии иногда к двум сторонам знака, то есть левая (толкуемая) часть словаря (аналог означающего) и правая (толкующая, объяснительная) часть (аналог означаемого).

На основе идеального универсального словаря можно более четко сформулировать понятие автономности словаря. Словарь считается автономным, если левая и правая части словаря семантически равнозначны (асимметрия знака стремится к нулю). Ю. Н. Караулов полагает, что никакой словарь не может быть автономным (самодостаточным, самодовлеющим, самоопределяющимся): «Систему нельзя описать изнутри, только на основе ее собственных ресурсов, для описания системы нужно выйти за ее пределы» [6, стр. 50]. Это явление может быть отдаленным следствием из теоремы Гёделя. В отличие от Ю. Н. Караулова, который не оперирует понятием идеального универсального словаря, мы можем при помощи этого, на наш взгляд, очень суще-

¹ Прилагательное *общий* в сочетании *общая лексикография* имеет, по крайней мере, три значения, каждое из которых оттеняет важные аспекты теории лексикографии: 1) *общая лексикография* — учебная лексикография, 2) *общая* (филологическая) лексикография — энциклопедическая (например, лингвострановедческая) лексикография, 3) *общая лексикография* как фиксирующая общеупотребительную лексику — специальная лексикография как фиксирующая лексику ограниченного распространения, например терминологическую, жаргонную, диалектную и т. п.

² Л. В. Копецкий писал: «Идея необходимости теоретического подхода к созданию словарей восходит к русской лексикографической традиции, к упомянутой работе академика Л. В. Щербы „Опыт общей теории лексикографии“, которая, к сожалению, ограничилась первым этюдом с названием „Основные типы словарей“» [5, стр. 29].

ственного конструкта теории лексикографии ввести следующие абстрактные свойства двух соотносительных элементов словаря: 1) его левая часть представляет систему словарного состава языка как актуальную бесконечность, то есть в известном отношении отвлеченную от процесса ее образования, 2) его правая часть представляет весь язык как речь, следовательно, как потенциальную бесконечность, не отвлеченную от процесса ее образования, а сущность речевых бесконечностей состоит в возможности приращений смысла, 3) средства толкования включают не только перифразирование (дефиницию, синонимы и т. п.), но и демонстрацию (контексты, цитации и т. п., исключая рисунки)³.

При этих допущениях можно сформулировать следующее положение теории лексикографии:

Идеальный универсальный словарь может быть семантически автономным (в области лингвистических значений); при этом если его левая и правая части будут схематизированными образами актуальной и потенциальной бесконечностей, то правая часть будет по семантической мощности опережать левую, отнимая у нее семантическую неопределенность со скоростью, превышающей скорость роста левой части. Другими словами, составление идеального универсального словаря принципиально возможно с любой, наперед заданной степенью семантической точности (но только в области лингвистических значений).

Выход за пределы лингвистических значений предполагает не только допуск в репертуар средств истолкования изобразительной наглядности, акустических и иных образов, но и презумпцию вмешательства в речь и через нее в язык действительности, общества, всей человеческой практики как постоянно действующего фактора, корректирующего функционирование как языка, так и речи.

Это абстрактное введение было необходимо для понимания дальнейшего членения теории лексикографии. Во-первых, понятие автономности во всей своей строгости применимо только на уровне теоретических объектов лексикографии, точнее оно применимо в полном объеме только к идеальному универсальному словарю. Любые аспектные словари даже на уровне теоретического рассмотрения могут быть неавтономными. Тем более неавтономными являются конкретные (реально

существующие) словари, даже большие академические толковые словари, что и доказывал Ю. Н. Караулов. Словники всех словарей являются конечными. Во-вторых, формирование словарей (левой части словарей) входит в ведение особой главы теории лексикографии — теории преобразований (компрессии и минимизации) словарного состава языка. В эту главу теории лексикографии в виде отдельного небольшого параграфа входит проблема составления различных лексических минимумов. Основным положением теории преобразований словарного состава языка (теории словарей) является положение о невозможности их построения безотносительно к средствам истолкования (к структуре и емкости правой части — при этом единая трактовка обеспечивается как для двуязычных, так и для одноязычных словарей, хотя соотношение частей в тех и других будет совсем иное; важно лишь то, что вне этого соотношения решение проблемы словаря носит весьма ориентировочный характер). В-третьих, соотношение левой и правой частей словаря существенно зависит от задаваемой извне степени точности и тонкости отражения семантических, сочетательных и иных аспектов смысловой структуры слов левой части словаря⁴.

Однако когда в 1966 г. группа лингвистов (среди них были и авторы этих строк) приступила к составлению «Учебного словаря сочетаемости слов русского языка», который выйдет в свет в 1978 г., по многим вышеизложенным и другим, более специальным вопросам словаря сочетаемости не было желаемой ясности и определенности. Разработка теории лексикографии в требуемых направлениях и составление словаря шли рука об руку⁵.

Если говорить об установочных параметрах «Учебного словаря сочетаемости слов русского языка», то его словарь было решено ограничить тремя тысячами слов, поскольку это число соответствовало бытовавшим в ту пору представлениям о базисной лексике (например, во французской методике) и имевшимся экспериментальным данным об объеме индивидуального активного запаса слов сред-

⁴ Подробнее об абстрактных соотношениях между левой и правой частями словаря говорится в докторской диссертации одного из авторов данной статьи [1].

⁵ См. статьи П. Н. Денисова, Л. А. Новикова, И. Г. Ольшанского [8], отражающие первый этап теоретических обобщений. Вопросы словаря специально рассматривались в [9—11]. Кроме того, члены авторского коллектива «Учебного словаря сочетаемости слов русского языка» выступали с докладами и сообщениями на прошедших трех конгрессах МАПРЯЛ. Поиски новых подходов к теории лексикографии нашли отражение в [12].

³ В аргументации Н. З. Котеловой, направленной против универсального семантического языка элементарных смыслов, это соображение играет решающую роль [7].

него носителя языка. Число слов, допускаемых в сочетаниях с заглавными тремя тысячами слов, приблизительно ограничивалось 10—12 тысячами, но их точное количество будет установлено в следующем, более просторном «Словаре сочетаемости слов русского языка», который в этих целях будет снабжен специальным индексом. Такие количественные параметры ограничивали длину лексических рядов.

В типологическом отношении «Учебный словарь сочетаемости слов русского языка» может быть определен как преимущественно аспектный (с элементами комбинированного), базисный, неавтономный, одноязычный. Его определение как словаря активного типа может быть принято, но требуются очень серьезные уточнения, которые увели бы нас в тонкости различных теоретических трактовок самого исходного понятия «сочетаемость слов», поэтому перейдем к обрисовке научно-методических позиций данного словаря.

Термин «учебный словарь» в русской лексикографической практике впервые был использован Е. Д. Поливановым в 1926 году в предисловии к его русско-узбекскому словарю [13]. Впоследствии были сделаны неоднократные попытки дать определение этому термину, суть которого сводилась к тому, что учебный словарь — это «справочник особого рода, максимально приспособленный к учебным задачам» [14, стр. 54]. Вопросы специфики учебного словаря рассматривались в ходе почти трехлетней дискуссии на тему «Что такое учебный словарь?», развернувшейся на страницах журнала «Русский язык за рубежом» [15], и на Всесоюзной конференции, посвященной вопросам учебной лексикографии и преподаванию лексики, в январе 1976 года [16].

В ряде статей и выступлений подчеркивалось, что специфику учебного словаря составляет его объем и способ презентации самой информации о словарных единицах.

Говоря об объеме учебного словаря сочетаемости, необходимо отметить, что он должен быть методически обоснованно ограничен. Эти ограничения обусловлены конкретными целями обучения языку, категорией учащихся, степенью их владения языком.

Сокращение объема учебного словаря в сравнении с общим может быть достигнуто разными способами: во-первых, можно подвергать известной компрессии и даже минимизации левую часть словаря, т. е. его словник. В этом смысле существующие в мире учебные словари имеют объемы от 1500 (например, 1-ая ступень, или элементарный французский, словарь Фурье или словари Г. Пальмера, М. Уэста на 1000—1500 слов) до 25 ты-

сяч слов (например, толковый словарь М. Уэста и серия кратких двуязычных словарей по немецкому, английскому, французскому языкам). Во-вторых, уменьшение объема учебного словаря достигается сокращением его правой части, т. е. самой словарной статьи. Однако в зависимости от типа учебного словаря, от его места в типологии учебных словарей соотношение левой и правой частей может быть довольно сложным.

Классическим типом словаря является толковый, и учебный толковый словарь имеет видимое уменьшение объема, так как в нем подвергается сокращению и левая, и правая часть. Но если взять, например, учебный словарь сочетаемости, то сама специфика описания синтагматических свойств каждого заголовочного слова требует построения довольно длинных лексических рядов. Это, естественно, не может не отразиться на объеме учебного словаря такого типа. Если учесть, что учебный словарь сочетаемости слов в общем и целом относится к словарям активного типа, т. е. к словарям, предназначенным для синтеза речи (текста), то информация о каждом заголовочном слове должна быть довольно исчерпывающей и понятной для иностранца.

Это приводит к довольно значительному увеличению объема. Но если представить несуществующий пока академический словарь сочетаемости слов русского языка с большим словником, то его объем намного превышал бы объем учебного словаря.

Поэтому, когда мы говорим о том, что учебные словари имеют малый объем, то мы имеем в виду относительный объем учебного и общего словаря одного и того же типа.

Словник «Учебного словаря сочетаемости слов русского языка», содержащий около 3000 слов, был отобран на основе принципа сопоставительной частотности и методической целесообразности. Для сопоставления использовались частотные словари, обследующие различные пласты лексики (художественную литературу, разговорную речь, язык газет, общенаучную лексику). Окончательная корректировка списка словаря, особенно в отношении отбора лексико-семантических вариантов, производилась по соображениям учебно-методической целесообразности, охватывающей целый ряд критериев, к которым относятся: 1) тематическое выравнивание; 2) ориентация на активное употребление слова в разговорной речи, художественной литературе, «языке газеты» и т. д.; 3) ориентация на активные речевые потребности студентов-филологов старших курсов, аспирантов, стажеров и преподавателей продвинутого и высшего этапов

обучения; 4) ориентация на отбор нормативных, стилистически немаркированных слов. Корректировка словника продолжалась и при составлении словаря по данным сочетаемости, хотя в полной мере применить этот прием удается в следующем «Словаре сочетаемости слов русского языка», при подготовке индекса к которому сразу же обозначаются «лакуны» в словнике.

Строгому отбору подверглись слова, которые вступают в сочетания с заголовочными словами. Отсекались периферийные сочетания, специальная лексика (кроме лингвистической и частично литературоведческой терминологии, необходимой филологам), ненормативные варианты слов, диалектные, просторечные и жаргонные слова. При отборе сочетаний учитывались типичные ошибки иностранных учащихся. Например, в статье «погода» приводились, на первый взгляд, тривиальные сочетания: *хорошая, прекрасная... погода*, в статьях «трамвай», «троллейбус», «метро», «автобус» — *садиться на трамвай, троллейбус, автобус* и т. д., так как довольно часто в речи иностранца-европейца можно услышать ошибочное * *красивая погода, *взять трамвай* и т. д.

Объем словаря получился достаточно внушительным и при поверхностном рассмотрении этого вопроса как будто бы противоречил специфике учебного словаря, требующего значительного ограничения объема. Но этот объем, как мы уже говорили выше, не нарушает логики «учебности», а отражает особенность словаря нового типа, который предполагает наиболее полное описание употребительных слов.

Следует уделять внимание организации самой информации о словарных единицах в словаре сочетаемости. Каждая словарная статья этого словаря строго организована. Для каждой части речи разработана единообразная, легко обозримая и понимаемая структура словарной статьи, позволяющая выявить все синтаксические связи, в которые может вступать заголовочное слово. В каждой словарной статье особое внимание уделено тем сочетаниям, которые необходимы в предполагаемых речевых ситуациях выбранного нами адресата: *и д т и на лекцию, на семинар, на занятия, на урок...; в институт, в аудиторию, в школу, в класс* и т. д.

Все деления словарной статьи подчинены учебным целям. Указанный словарь не является строго аспектным, так как в нем кроме лексических рядов приводятся толкования всех отобранных лексико-семантических вариантов, употребительных устойчивых сочетаний и сочетаний с ярко выраженным культурным компонентом, имеющим лингвострано-

ведческую ценность, типа *Красная площадь, красный галстук, добро пожелать, рад встретиться с вами* и т. д.

Разработка каждого значения слова включает иллюстрационный материал в виде предложений, взятых из художественных произведений русской и советской литературы, речевых образцов и т. д.

При составлении словаря сочетаемости выявилась в известном смысле парадоксальная особенность этого словаря активного типа. Оказалось необходимым очень тонкое семантическое разграничение отдельных значений многозначного слова, хотя мы признаем, что в учебном толковом словаре пассивного справочного характера все-таки возможна более огрубленная семантическая характеристика заголовочного слова, так как при чтении учащемуся известен контекст, в котором употреблено то или иное слово.

Приведем несколько примеров того, как активный, речевой, ономастологический характер словаря сочетаемости слов вызывает необходимость тонкой дифференциации значений заголовочного слова.

Глагол *идти* в словаре сочетаемости имеет 9 развернутых значений (т. е. каждое значение расписано как отдельное слово) и 10 свернутых значений с толкованием. В учебном словаре Е. Ю. Владимирского и др. только 10 значений, а в лексическом минимуме для венгерских школ И. Кошараша и Е. Феньвеш-Конаевой нет дифференциации значений, истолковано только основное значение, в роли указателя употребления слова выступают отдельные сочетания, причем их число ограничено до восьми [17—18].

Совершенно естественно, что в учебном словаре семантическая характеристика необходима и для слов, вступающих в сочетания с заголовочным словом. Такая характеристика будет дана в следующем словаре данной серии, называемом просто «Словарь сочетаемости слов русского языка».

Грамматическая информация в указанном словаре, в виду его учебного характера, полная и подробная. В начале статьи, рядом с заголовочным словом, приведены полные формы слов с ударениями, варианты ударений, если они нормативны. Указываются также дополнительно все формы, в которых есть отступления от правил: например, *идти́, иди́, иди́шь, иди́т*, прош. *шел, шла, шли*, несов.; *век*, род. *ве́ка*, предл. *о ве́ке* и *на веку́*, мн. *векá*, род. *векóв*, м.

Вводятся ограничительные пометы: только сов., только несов., только мн., 1 и 2 л. не употр.; Например: *Начать, перестать...работать* (только несов.); *кончатся* (1 и 2 л. не употр.).

Введение этих помет способствует лучше-му усвоению употребления слов и точному использованию их в речи.

В словаре детально разрабатываются слова, иллюстрирующие труднейшие разделы русской грамматики, например: глаголы движения, видовые пары.

Особое внимание уделяется употреблению предлогов *в* и *на*; *из* и *с*. С целью устранения ошибок в их использовании вводится подробное перечисление всех существительных с указанными предлогами, необходимых в предполагаемых для данного адресата ситуациях речевого общения. При этом даны соотносительные пометы: (предлог *из* с род.); (те же слова, что и с предлогом *в*); (предлог *с* с род.); (те же слова, что и с предлогом *на*).

Изложенное выше дает нам возможность сделать следующие выводы: 1) «Учебный словарь сочетаемости слов русского языка» является действительно учебным как по своему объему, так и по организации приведенного в нем материала; 2) материалы этого словаря

могут служить надежной основой разнообразных пособий по лексике для продвинутого и высшего этапов обучения, в особенности пособий по развитию речи; 3) как отмечалось в некоторых выступлениях наших коллег на III конгрессе МАПРЯЛ в Варшаве, он может быть использован в самом учебном процессе (как студентом, так и преподавателем) в качестве специального пособия по лексике справочно-систематизирующего характера для филологов на продвинутом и высшем этапах; 4) при составлении и семантизации списка слов, входящих в сочетании с заглавными, возможна проверка всех «цепочек» перифразирования и демонстрации значений как реальная основа для построения лексического ядра словарного состава языка с учетом соотношения между толкуемыми и толкующими словами; 5) составление индекса к пространному «Словарю сочетаемости слов русского языка» даст возможность перейти к толковому словарю русского языка для иностранцев.

Литература

1. Денисов П. Н. Основные проблемы теории лексикографии. Докт. дис. М., 1977.
2. Денисов П. Н. Теория, практика и история лексикографии в их единстве и взаимообусловленности. В кн.: Проблемы учебной лексикографии и методики обучения лексике. М., 1977 (в печати).
3. Денисов П. Н. Об универсальной структуре словарной статьи. В кн.: Актуальные проблемы учебной лексикографии. М., 1977 (в печати).
4. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. «Известия АН СССР, отд. лит-ры и языка», 1940, № 3.
5. Копецкий Л. В. Теоретические предпосылки двуязычной славянской лексикографии. В кн.: Вопросы лексикографии и издание словарей. Прага, 1974.
6. Караулов Ю. Н. О некоторых лексикографических закономерностях. «Вопросы языкознания», 1974, № 4.
7. Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость. Л., 1975.
8. Вопросы учебной лексикографии. М., 1969.
9. Лексические минимумы русского языка. М., 1972.
10. Скопиа М. А. Проблема отбора лексического материала в учебной лексикографии. Канд. дис. М., 1975.
11. Вопросы обучения русскому языку иностранцев на начальном этапе. М., 1976.
12. Денисов П. Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. М., 1974.
13. Краткий русско-узбекский словарь. Под ред. Поливанова Е. Д. Ташкент, 1926.
14. Бархударов С. Г., Новиков Л. А. Актуальные проблемы и задачи учебной лексикографии. К итогам дискуссии. «Русский язык за рубежом», 1975, № 6.
15. «Русский язык за рубежом», 1971, № 3; 1972, № 1—3; 1973, № 2, 4; 1974, № 1, 2.
16. Научно-методические основы составления учебных словарей русского языка для нерусских и проблемы обучения лексике. Тезисы докладов и сообщений. М., 1976.
17. Aprilogowa B., Vladimirovsky E. etc. Essential Russian-English Dictionary. М., 1973.
18. Кошараш И., Феньвеш-Коняева Е. Лексический минимум русского языка. Будапешт, 1969.